

должностными лицами, а не пожизненными вассалами) — никаких оснований для того, чтобы возводить один институт к другому у нас нет.

Остается, наконец, принцип легитимизма. Хорошо известно, что Византия сохранила римскую систему ненаследственной монархии, что резко выделяло империю во всем средневековом мире, а не только отличало ее от кавказских государств. Постепенный переход к наследственности императорской власти мог осуществляться здесь под воздействием любого из соседей Византии, а еще скорее — в результате внутреннего развития. Туманов, правда, полагает, что принцип легитимизма внедряется в Византию армянскими царскими династиями: Ираклидами и «Василидами» (стр. 145), но этот тезис опять-таки не бесспорен. Тезис о легитимизме Македонской династии (кстати, сколь велика была «доля армянской крови» у Льва VI и его потомков?) выглядит не очень оправданным. Ее представители постоянно перемежались с Лакapiнами, Никифором Фокой и Иоанном Цимисхием, при этом любопытно, что нарушителями принципа легитимности оказываются (случайно или нет) именно армянские деятели. Утверждение этого принципа связано с династией Комнинов (напомним, что последующие династии принимают имя Комнинов) и Палеологов, а их

греческое происхождение как будто не вызывает сомнений.

Короче говоря, предложенные Тумановым принципы исследования чрезвычайно интересны, плодотворны. Однако их конкретная реализация в статье оставляет желать лучшего: в одних случаях исследователь оказывается недостаточно осторожным (вопрос о кавказских влияниях), в других — недостаточно последовательным (в использовании просопографических данных).

И еще одно, последнее замечание. Избранная Тумановым верхняя хронологическая грань (середина XI в.) произвольна. Проникновение кавказцев в Византию интенсивно продолжалось и позднее: напомним о таких людях, как Хачатур или Филарет Вахрамий, о такой семье, как Аспиеты, об армянских полководцах при Мануиле I, об армяно-грузинских брачных связях Комнинов. Именно в XII в. определившиеся кавказские семьи (как Торники) играют заметную роль в византийской культуре, и можно вспомнить, что грузинская кровь текла в жилах Иоанна Цеца.

Как бы критически ни расценивать отдельные положения статьи Туманова, она имеет важное значение, намечая новую программу изучения связей Закавказья с Византийской империей.

А. КАЖДАН (Москва)

А. А. ХАЧАТРЯН и В. Н. АЙРАПЕТЯН. Экспериментальное исследование согласных фонем армянского литературного языка, Ереван, 1971, 324 стр., цена 2 руб.

В 1971 г. Издательством АН Армянской ССР была выпущена в свет книга А. А. Хачатрян и В. Н. Айрапетяна, содержащая результаты экспериментального исследования консонантизма литературного армянского языка, представляющая особый интерес для фонетистов-экспериментаторов, диалектологов и лингвистов широкого профиля.

Исследование А. А. Хачатрян и В. Н. Айрапетяна в известной мере является продолжением экспериментального (кинографического) изучения согласных, начатого Р. Ачаряном в Париже, часть результатов которого была опубликована в 1897 г. на французском языке.

Книга А. А. Хачатрян и В. Н. Айрапетяна является результатом многолетних опытов, проведенных авторами в лаборатории экспериментальной фонетики Института языка АН Армянской ССР им. Р. Ачаряна, а также в других лабораториях страны (в Таллине и Москве). Она состоит из введения, где определяются цели и задачи исследования, и трех глав: I. Методика исследования (стр. 12—37), II. Смычные согласные армянского языка (стр. 38—162) и III. Щелевые согласные армянского языка (стр. 163—283). Отдельно приводятся сведения о дрожащем сонанте г (стр. 268—283). Разделение по главам проводится на основании способа об-

разования согласных, как наиболее важного принципа классификации. В конце работы авторами дается таблица классификации согласных. Работа содержит обширное резюме на английском языке (стр. 285—313).

В первой главе описаны основные экспериментальные методы исследования, аппараты, на которых проведены опыты, методика обработки полученных данных, подбор экспериментального материала и т. д. Во второй и третьей главах обсуждаются непосредственные результаты экспериментального анализа согласных. Каждая глава состоит из отдельных разделов, объединенных авторами по способу и месту образования согласных. Как правило, здесь после сведений о фонемах из армянской лингвистической литературы приводятся данные артикуляционного описания основных вариантов фонем на материале палатограмм, рентгенограмм и кинорентгенограмм. Затем приводятся результаты акустического анализа этих же вариантов фонем на материале спектрограмм, полученных на динамическом спектрографе. Такое комплексное изучение системы консонантизма армянского языка проводится впервые. Описываются также наиболее характерные аллофоны согласных, вызванные позицией и контекстом.

Такие методы исследования, как рентгенографирование, прямое палатографирование и лингвографирование и особенно метод спектрографирования, дают надежные данные для характеристики и освещения природы согласных в качественном отношении. Экспериментальное же исследование согласных армянского языка в количественном отношении — задача будущего, и ее решением обусловлена возможность установления всесторонних характеристик фонем в их количественном и качественном соотношениях.

При экспериментальном исследовании согласных авторы ориентируются на наиболее характерные сильные позиции, в которых фонемы обнаруживают свои наиболее существенные свойства и специфические дифференциальные признаки. Выбор этих позиций для каждого согласного в отдельности и их отграничение от слабых позиций — задача сложная, требующая большой кропотливой работы. Авторы

весьма успешно справились с ней. Это видно на примере данных о любой из фонем.

Нам представляется, однако, что авторы не достаточно четко обосновывают свою точку зрения на фонему как на объект лингвистического исследования. Раздел «О фонеме» занимает немногим более одной страницы, где авторы скорее всего выражают свое отношение к фонеме. Они пишут: «При определении фонем мы исходили из понимания фонемы как слоразличительной единицы речи, характеризующейся различительными признаками, определяемыми как на артикуляционном, так и на акустическом уровнях» (стр. 31). Как видим, отождествление авторами фонемы со звуком речи восходит к пониманию фонемы по Л. В. Щербе, который писал, что реально произносимые звуки являются тем частным, в котором реализуется общее (фонема), и называл их оттенками фонемы. Известно, что Л. В. Щерба определял фонему, не связывая ее с сосюровским делением языка на язык и речь. Он считал фонему звуковым типом и потому для него звукотип, звук речи и фонема являются синонимами. В целом придерживаясь ленинградской школы понимания фонемы, авторы вносят в него понятие различительного признака, которого нет у Л. В. Щербы. Тем самым, авторы как бы соединяют концепции двух фонологических школ — ленинградской и пражской.

Известно, что именно в классическом труде Н. Трубецкого «Основы фонологии» подробно развивается и обосновывается идея различительных признаков фонемы. Однако сама эта идея опирается на понимание языка как явления абстрактного, находящего свое конкретное выражение в речи. Это деление проводится на всех языковых уровнях представителями пражской лингвистической школы. Согласно традициям этой школы, фонема является единицей языка, а звук речи — ее конкретным выражением в речи. Вот определение фонемы по Трубецкому: «Фонема — это совокупность фонологически существенных признаков, свойственных данному звуковому образованию... Ни один звук не может рассматриваться просто как фонема,

его можно рассматривать как реализацию этой фонемы»¹.

Подобное кардинальное отделение звука от фонемы привело Н. Трубецкого и других к отрицанию фонетики как лингвистической дисциплины и сведению ее к меризматическому, т. е. долингвистическому уровню языка (Бенвенист), против чего справедливо выступали и выступают многие советские лингвисты. Как бы то ни было, вопросам фонологии в книге уделено недостаточно внимания. Разумеется, в собственно экспериментальной работе по фонетике нельзя было ожидать фонологического исследования, и это не входило в задачи авторов, но к фонологической интерпретации звуков речи они прибегают довольно часто, что дает нам основание говорить о фонеме так подробно.

Несмотря на отсутствие в рецензируемой работе четкого определения фонемы, авторы стоят на правильной точке зрения в интерпретации так называемых сложных звуков армянского языка. Не вызывает сомнений, что в лингвистическом отношении эти звуки являются едиными фонемами, а в фонетической реализации отличаются от других звуков речи своей неоднородностью, что составляет их основную характеристику. Это тем более убедительно, что подтверждается данными кинорентгенографии.

Совершенно новым в армянской лингвистической действительности является акустическое описание согласных (с привлечением большого экспериментального материала и иллюстраций). Включение этих данных частично восполняет тот пробел, который имелся в армянской фонетической литературе. Если до издания этого труда имелись отдельные работы, посвященные артикуляционному и акустическому описанию гласных, то в отношении согласных были опубликованы только три статьи А. Хачатрян² и две статьи по ди-

стрибутивному (фонологическому) анализу согласных³.

Известно, что за последнее двадцатилетие среди лингвистов всех стран возрос интерес к акустическому анализу звуков речи с применением различных анализирующих и синтезирующих аппаратов. Исследования такого рода проводились в целом, можно сказать, с определенной принципиальной установкой—найти корреляты звуков речи в акустическом сигнале, т. е. найти физическое выражение звуков, различных признаков голоса, интонации и ударения. При этом обнаружилась любопытная особенность, что звуки речи являются не тем, чем они представляются в человеческом сознании, что порой один целостный звук состоит из нескольких различных по характеру отрезков, и, наоборот, звуки речи, представленные в нашем сознании как соединение двух самостоятельных звуков, фактически представляют собой нечто единое с переходами (например, дифтонги, сонорные *w*, *g*, *y*).

Все эти данные по-новому освещают звуковую сторону языка и в некоторых случаях решают проблемы, казавшиеся не подлежащими какому-либо доказательству.

Включение акустических данных—факт сам по себе немаловажный—имеет то преимущество, что позволяет проникнуть в структуру звуковой волны по картинкам «видимой речи» и более тонкому спектральному анализу. Она раскрывает такие стороны речи, которые до сих пор оставались незамеченными или во всяком случае были в тени. Так, на основе этих данных удалось четко представить характер фрикативных согласных типа «с», «ш» или «х» и отличить их от взрывных типа «п», «т», «к». Удалось найти акустическое различие между аспирированными и неаспирированными согласными, между простыми смычными и аффрикатами.

характеристика, «Историко-филологический журнал», 1969, № 2.

³ А. Арамян, Некоторые данные дистрибутивного анализа смычных армянского языка. Исследования языка и речи, М., 1971; В. Айрапетян, Анализ дистрибуции аффрикат в современном армянском языке, «Историко-филологический журнал», 1971, № 4.

¹ См. Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, М., 1960, стр. 45, 46.

² А. Хачатрян, Об аффрикатах армянского языка, «Известия АН Арм. ССР», 1962, № 11; ее же, Вопрос фонематичности «а» в армянском языке, «Историко-филологический журнал», 1967, № 1; ее же, Фонемы (r) и (ř) армянского языка и их артикуляционная ха-

Тем не менее, акустическое описание звуков речи в данной работе, к сожалению, представлено не достаточно полно. Во-первых, не все аллофоны одинаково изучены и представлены в книге. Во-вторых, не учтено влияние разных гласных на характер согласных, или, что то же самое,— влияние согласных на разные гласные.

В целом работа имеет комплексную фонетико-фонологическую направленность. Здесь сказывается стремление авторов выйти из рамок узкофонетического экспериментального описания и подойти к вопросу оценки полученных данных с лингвистической точки зрения.

Приведенные авторами данные внесли новую интерпретацию в оценку некоторых согласных, уточнения в артикуляционную классификацию, существовавшую до сих пор. Это видно из сравнения таблицы классификации звуков⁴ и новой таблицы классификации согласных, представленной авторами рецензируемой книги. Несмотря на многие общие черты, в эту таблицу классификации согласных внесены значительные изменения. Так, в ней нет деления звуков речи на простые и сложные, которого придерживались все арменисты. Ес-

ли до сих пор такие звуки речи, как аспираты и аффрикаты, не оценивались самостоятельно, а представлялись как сложение двух или трех звуков, то в новой таблице эти звуки классифицированы по способу и месту образования. Аффрикаты выделены в особую группу в системе смычных согласных, а аспираты интерпретируются как соответствующие по способу и месту образования простые взрывные с дополнительным различительным признаком.

В рецензируемой работе введены некоторые уточнения в классификацию по месту образования звуков. Например, проводится более тонкое деление в группе дентальных, с выделением среди них постдентальных звуков. Определяется место и способ образования свистящих и шипящих, которые до сих пор описывались лишь по акустическому впечатлению. Проводится более существенное разделение между *г* и *г'*, которые, по мнению авторов, отличаются не силой вибрации, а способом образования. Таким образом, уже по сводной таблице классификации согласных можно сказать, что авторами проведена большая работа как по детальному изучению артикуляций звуков, так и по их интерпретации.

Нам кажется, что выводы авторов обоснованы, соответствуют современному состоянию лингвистики и могут применяться в практике преподавания армянского языка.

М. ХАМОЯН

⁴ См. Մ. Աբելյան, Հայոց լեզվի տեսություն, Երևան, 1965, стр. 86; Գ. Սևակ, Փամանակակից Հայոց լեզվի դարձվածք, Երևան, 1955, стр. 84, 88; Վ. Առաքելյան, Փամանակակից Հայերենի հնչյունաբանություն, Երևան, 1955, стр. 31: